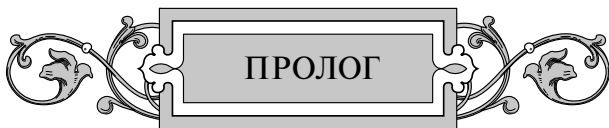

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

Часть первая

КОРОНА
БУГАРСКИХ КЕСАРЕЙ

ПРОЛОГ

Тихо в коридорах и галереях императорского дворца. Особенно тихо — после шумного и многолюдного пира.

Сегодня василевс Никифор принимал иноземных послов.

Тут были и послы болгарского кесаря Петра, и послы короля германцев Оттона Первого; послы италийцев, арабов, россов и многих других.

Еще несколько лет назад непременно присутствовал бы посол хузарского хакана... Но нет больше у хузар хакана. Последнего убил катархонт россов Сфендослав...

— Он очень опасен, этот тавроскиф, — говорит Никифор. — Не зря его называют леопардом.

— В твоём зверинце, мой повелитель, есть не только леопарды, но и царственные львы, — шепчет Феофано.

Ее чернокудрая головка лежит на мощном колене василевса. Огромные блестящие глаза глядят на него снизу страстно и восхищенно.

Никифор не видит этих глаз. Перед его внутренним взором — сотни парусов, наполненных ветром. Это лодьи россов идут вверх по Дунаю. На горе стропливой Булгарии.

Никифор знает, на что способны россы. Воины этого племени воевали под его началом в Азии. Этому ничтожеству, архонту болгар, не устоять.

Независимой Булгарии конец.

Никифор это знает.

И потому сегодня был особенно ласков с булгарами: посадил выше посланца германского короля, велел именовать

Петра василевсом... А ведь этих же болгар недавно по его, Никифора, приказу по щекам хлестали — за дерзость их кесаря.

Ничего, пусть возгордятся. Скоро, скоро болгарский наглец будет, пресмыкаясь, молить Константинополь о помощи... И откроет горные проходы. И победоносная армия Восточной Римской империи вступит на земли Булгарии. Нет, не Булгарии — Мисии. Римской провинции Мисии. А он, Никифор Фока, подобно древнему императору Траяну...

Тут василевс наконец замечает глаза Феофано и забывает обо всем, даже о собственном величии.

— Встань, — говорит василевс. Его голос, могучий бас силача и военачальника, внезапно становится невнятным и хриплым. — Встань, Фео... Танцуй...

Феофано поднимается. Красный полупрозрачный шелк, ожерелье из крупных, оправленных в червонное золото рубинов, черные длинные блестящие волосы...

У Никифора было много женщин. Ему приводили и белокожих белокожих северянок с прозрачными льдистыми глазами, и чернокожих, нечеловечески грациозных африканок с кожей упругой, как у дельфина. Были искусные и искусенные, были и совсем юные, очаровательно неумелые... Ему есть с кем сравнивать, но... Феофано несравненна. Она совершенна. Она родила Роману двух сыновей, но после родов стала еще красивее. Василевс смотрел, как мелькают над полом маленькие ступни, как едва касаются пола пальчики, как взвихряются и опадают браслеты на щиколотках, взлетают колени, подбрасывая легкие шелковые ленты, которые то расходятся, то смыкаются, пряча округлые бедра и по-детски гладкий живот. Никифор знает, что волосы на лобке Феофано сведены искусным мастером в угоду покойному Роману. Поначалу Никифору это не понравилось, но теперь, когда Феофано в танце откидывается назад, касаясь волосами пола, он, затаив дыхание, ждет — окажется ли шелковая ткань между расставленных ног или обнажит взгляду розовую мякоть приоткрытой вагины зрелой женщины в обрамлении неестественно голой бледной кожи.

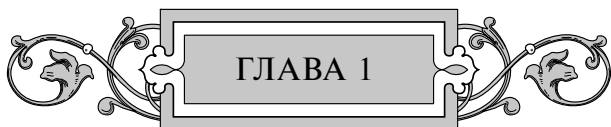
Тяжелое дыхание вырывается из влажных губ императора. Струйка слюны смочила черную с проседью бороду. Кружит-

ся Феофано, извивается в танце, встряхивает упругими грудями, оттопыривает ягодицы, танец ее становится все более непристойным, вызывающим, вульгарным. Так не танцуют в императорском дворце. Так не танцуют даже обученные всему похотливые сирийские рабыни... А Феофано — императрица...

Никифор выбрасывает руку, но опаздывает. Танцовщица-василисса успеваает уклониться. В сжатом кулаке императора — невесомая полоска красного шелка. Глухой рык вырывается из груди василевса. Он бросается вперед, как когда-то бросался на врага в битве. Никифор огромен и грузен, и, конечно, не так быстр, как десять лет назад, — жизнь во дворце развращает тело. Но он все равно быстрее любой женщины. Феофано визжит в притворном ужасе, когда император швыряет ее на ложе, наваливается всей тушей, задирает вверх ее точеные ножки и берет ее грубо — как девку, пойманную в только что взятом городе. Василевс пыхтит и рычит. Василисса стонет и вскрикивает. Никифор знает: Феофано нравится так. Очень нравится. Но если бы и не нравилось — ему плевать. Это он взял ее. Взял с боем, вырвал у евнухов и святош, своих врагов и друзей, победил всех, даже Бога, но оставил ее здесь, во дворце, здесь, в императорской опочивальне. Не за ум, не за то, что она — василисса, а вот за это. За умение пробудить в нем, пресыщенном и искушенном пятидесятилетнем муже, неистовую страсть.

А позже, уже проваливаясь в приятную сонную негу, опустошенный и почти счастливый василевс Восточной Римской империи Август Никифор Фока узрел видение: бело-красные паруса и длинные весла, вспенивающие дунайскую воду. Даже в полусне Никифор знал: нескольких византийских триер с огненным боем хватит, чтобы уничтожить весь флот тавроскифов. Знал, но почему-то все равно ощутил смрадное и липкое, как дыхание хищного зверя, дуновение. То было прикосновение страха...

ГЛАВА 1

Великий князь киевский с воеводами, ближниками и прочей военной братией

В княжьем шатре было жарковато, но, если сравнить с температурой снаружи, разница — как между предбанником и парной. Вполне терпимо. Толстый войлок неплохо защищает от солнца, а снизу края шатра приподняты, чтобы ветер с Дуная свободно проникал внутрь. Но говорить все равно можно, не боясь чужого уха: на пятьдесят шагов вокруг никого, кроме проверенных гридней из малой Святославовой дружины, которым велено сначала бить, а потом смотреть — кого.

Инструктировал охрану великого князя лично Духарев. А взялся он за это дело после того, как Святослава дважды пытались подстрелить и один раз подсыпали яд в котел, из которого кормились не только Святослав, но и его ближники и гридни из малой дружины. Смертоносную примесь в похлебке угадал Калокир, который, как и положено благородному византийцу, в ядах разбирался лучше, чем купец — в обвесах. Злодея поймали. Отравитель, мелкая сошка из челяди черниговского воеводы, согласился подсыпать яд за две серебряные гривны, которые посулил ему некий персонаж из болтавшихся при войске маркитантов. Заказчик, естественно, удрал еще до того, как придурок челядин попытался осуществить злодейство, так что обещанных гривен отравитель не получил бы при любом раскладе.

Слишком многие были заинтересованы в том, чтобы обезглавить русское войско, посему князя следовало беречь с осо-

бым тщанием, и с не меньшим тщанием беречься от вражеских шпионов, которых в сборном войске такой численности наверняка было немало.

Но среди княжеских ближников ненадежных людей нет. Даже ромей Калокира, полноправного представителя византийского императора Никифора Фоки, можно было считать заслуживающим доверия. По крайней мере сам великий князь в этом убежден.

— Ну говори, ромей, вижу: новости так и пляшут на твоём языке, — сказал князь Святослав Калокиру.

Патрикий приосанился. Прожженный византийский политик, он был чертовски тщеславен и дьявольски честолюбив. Менее чем за год Калокир ухитрился не просто войти в круг ближников Святослава, но, более того, побрататься с великим князем киевским. И завоевать уважение княжых воевод и бояр. Даже таких, как Свенельд. И княгиня Ольга, подлинная (если смотреть правде в глаза) правительница Киевской державы, благоволила патрикию. Хотя Ольга вообще поддерживала все византийское, встречалась с ромейским императором, вела личную переписку с константинопольским двором и мечтала сговорить за своего внука Ярополка порфирородную византийскую царевну. А вот Святослав дипломатической искусностью матери не обладал. Пардус — он и есть пардус. Прыжок, лязг зубов, хруст костей — и великое княжество киевское прирастает еще одним уделом.

— Говори, ромей, — нетерпеливо бросил Святослав, поскольку Калокир не торопился излагать свою новость — выдерживал театральную паузу.

Патрикий откашлялся, окинул орлиным взором княжых ближников: Икмора, Свенельда с сыновьями, Мстишей и Лютом, Духарева, Тотоса угорского, Бранеслава, княжича полоцкого, ярла Гуннара по прозвищу Волк, Устаха, полоцкого воеводу, и еще дюжины полторы бояр, воевод и предводителей дружин подвластных и дружественных Киеву княжеств. Калокир удостоверился, что все слушают внимательно, слегка поклонился великому князю и произнес:

— Хан Гюйче принял золото болгарского кесаря.

— Вот змей подколодный! — воскликнул Икмор.

Воеводы загомонили, но Святослав поднял руку, и шум мгновенно стих.

— Откуда знаешь? — в наступившей тишине негромко спросил князь-воевода Свенельд, самый старший из присутствующих. И, пожалуй, самый уважаемый. После Святослава, конечно.

— Есть у меня послухи в печенежском стане. — Выговор у Калокира не ромейский, а южный, тмутороканский. Неудивительно, ведь родился Калокир по соседству, в городе Херсоне. — Этим послухам можно верить.

— И сколько дал царь Петр хану Гюйче? — полюбопытствовал Тотош.

— И за что дал? — вставил княжич Бранеслав.

— За что дал, ясно: чтоб в спину нам ударили, — ответил Калокир. — А сколько — не знаю. Должно быть, достаточно.

— Если на нашу мерку пересчитать — сорок восемь гривен, — сказал Духарев.

И с удовольствием пронаблюдал изумленную физиономию ромея.

— Откуда знаешь? — выдавил Калокир.

— Послухи, — невозмутимо произнес Духарев. — В печенежском стане.

Святослав усмехнулся. Новость Калокира не была для него неожиданностью.

— Молодец, братко, — сказал он патрикию. — Теперь мы точно знаем, что наши послухи не ошиблись, — произнес с упором на «наши». Дипломат. Не хочет, чтобы Калокир затаил обиду на воеводу Серегея. Только Калокир — политик похитрее Святослава. Наверняка понял, что новость добыл именно воевода.

— Сорок восемь гривен? — усомнился патрикий. — Ты уверен, воевода? Чтобы за такую малость пацинаки рискнули на нас напасть? Сомнительно.

— Они и бесплатно нападут, — проворчал Икмор. — Если выгодный случай представится. Зря мы с ними союзничаем.

У меня младшая жена — дочь печенежского большого хана, а все равно я им не верю.

— Я им тоже не верю, — сказал Святослав. — Но они могут быть полезны. А кусок, который им Петр кинул, нам только на пользу. Как верно заметил Калокир, сорока восьми гривен слишком мало, чтобы наполнить их волчьи желудки. Это золото их только раздразило. Но ты, Икмор, тоже верно говоришь. Коли выгодно будет, копченые все договоры забудут и на спину нам прыгнут. Да только невыгодно им сейчас с нами ратиться. Там, — князь махнул рукой в сторону Дуная, — болгарское царство. Там добыча побогаче.

— Так ли уж богаче? — заметил Тотош. — Обеднела Булгария. Нам бы самим хватило...

— Не стоит шкуру неубитого медведя делить, — неодобрительно произнес Свенельд.

Тотош не понял.

— Поговорка такая, — пояснил отцовы слова Мстиша. — Дурная примета: прежде сечи о добыче говорить. Сперва надобно болгарское войско разбить.

— Разобьем, — беспечно бросил Тотош. — Мои молодцы хоть сегодня через Дунай переплывут...

— ...И болгарские катафракты их тут же обратно в реку скинут, — насмешливо произнес Лют.

У них с Тотошем был давний спор: кому первому высаживаться.

Впрочем, спорить они могли сколько угодно, решать все равно будет Святослав. А Святослав уже все решил...

Военный совет закончился, воеводы покинули шатер.

Сергей Духарев вышел наружу вслед за Свенельдом, потянулся, хрустнув суставами, приняхался... Вкусно пахло жарёной. Долго они заседали, часа три. Сергей успел проголодаться. Но ужинать он будет не здесь, а со своей дружиной.

Расторопный отрок уже подвел воеводе коня, соединил руки «подножкой». Вообще-то Духарев был еще вполне способен самостоятельно забросить свои сто с лишком килограммов плоти и экипировки на конскую спину, но в такую жару

попусту напрягаться не хотелось, и он помощью не пренебрег: оттолкнулся сафьяновым сапожком от мозолистых ладоней отрока, мягко опустился в вытертое до блеска маленькое степное седло, небрежно подхватил поводья, но послал коня не уздой — шенкелями.

Княжья стража расступилась, пропуская воеводу... И его тут же окружили собственные гридни.

— Серегей, погоди!

Духарев оглянулся и увидел Устаха.

— Поснедаем вместе? — спросил полоцкий воевода.

— Нет возражений, — согласился Духарев. — Только из моего котла.

— Почему же — из твоего? — запротестовал Устах. — Вчера — из твоего, позавчера — тоже...

— Друг мой, у тебя кто нынче куховарит?

— А я почему знаю? — пожал плечами полоцкий варяг. — Кто-то из отроков. Чей черед, тот и куховарит.

— Вот именно. А у меня куховарит не гридень, а повар. Потому что баранина — это тебе не свинья лесная. Баранину приготовить — уметь надо.

— Совсем ты, Серегей, оромеился, — фыркнул Устах. — Пряма как Калокир стал. Нам, варягам, — всё снеть, что мясо.

— Поехали, поехали! — засмеялся Духарев. — От хорошей стряпни еще ни один варяг ромеем не стал.

Лагерь русского войска растянулся вдоль дунайского берега едва ли не на поприще. Хотя собственно русов — варягов, полян-деревлян, нурманов и прочих, присягнувших лично великому князю Святославу или его воеводам, — было не более двадцати тысяч. Еще тысяч десять составляли дружины союзных и подвластных Киеву владык: князь-воеводы Свенельда, князей полоцкого, черниговского и иных, помельче. Еще столько же — из охотников: примученных недавно лесовиков-вятичей, вольнолюбивых новгородцев, тмутороканцев, ясов, касогов, славянских ополченцев, хотя и знавших, с какой стороны братья за копые или как натягивать боевой лук, но вряд ли способных выдержать удар тяжелой конницы или выжить в кровавой степной «карусели».

А вот для двадцати тысяч печенегов — организованных, предводительствуемых большими ханами Гюйче и Кошту, и «приблудных», из мелких ватажек, слетевшихся на запах крови и золота, — степная война была источником хлеба насущного. Еще были восемь тысяч союзных угров дьюлы Такшоня, приведенных его сыном Тотошем... Внушительное войско, ничего не скажешь. Глянешь с седла — конца-края не видно.

Однако по-настоящему опереться великий князь киевский мог едва ли на половину сошедшегося под его знамя воинства. А за копчеными — печенегами и вовсе нужен глаз да глаз...

Солнце уже покатилося к закату, когда к Духареву прискакал гонец от великого князя: снимаемся.

Полторы сотни варягов, дружно ухая, спихнули «Морского коня», духаревский морской драккар «шведской сборки», во взмученную воду Дуная. А еще через несколько минут закачались на мелкой волне остальные корабли духаревской дружины: боевые русские лодьи. Эти были поменьше трофейного драккара, но тоже хороши: две сработаны тмуророканскими корабельщиками, одна — смоленскими, остальные — своими, киевскими. Каждая могла нести полсотни воев в морском походе, а вмещала при необходимости и полторы. Это была не вся духаревская дружина — только отборные гридни, опытные, отменно экипированные и умелые в пешем бою. Таких во всем войске Святослава было не более пяти тысяч. Но им в стратегическом замысле великого князя киевского предназначалась главная роль...

Мимо, подгоняемые слаженными ударами весел, прошли головные корабли Святослава.

— Йонах! — крикнул Духарев уюмившемуся на верхушке мачты Машегову сынку. — Как там, на том берегу?

— Стоят! — крикнул в ответ глазастый хузарский хлопец. — О-о-о! Тронулись!

Естественно. Булгарская армия перемещалась параллельно русской. Петр понимал: главное — не дать киевскому князю высадиться и закрепиться на булгарском берегу. Смять ударом кавалерии лодейный десант, расстрелять переправляющуюся